

Советская помощь Гоминьдану в 1920-е годы: к вопросу о критериях оценки

© 2011

А. Юркевич

Автор доказывает, что главным критерием оценки финансовой и материальной помощи Гоминьдану в 20-е годы должна стать ее эффективность с точки зрения влияния, во-первых, на выполнение задач китайской национальной революции, во-вторых, на осуществление тех целей, которые преследовала в Китае Москва. Опираясь на впервые вводимые в научный оборот документы, автор показывает, что в 1924–1925 гг. советская финансовая помощь была призвана стимулировать создание надежных, централизованно управляемых вооруженных сил, а также эффективной партийной организации Гоминьдана и усиление его организационной деятельности.

Ключевые слова: Китай, советско-китайские отношения, советская помощь китайской революции, военное строительство Гоминьдана

На оценки историками финансовой и материальной помощи, которую Москва оказывала в 1920-х гг. Гоминьдану, неизбежно влияют факторы идеологического и политического характера. О том, какое влияние идеология и политика оказывают на мнения представителей разных историографических школ по поводу количества и качества этой помощи, автор уже писал в статье, опубликованной в ПДВ в 2009 г.¹ Говорилось там и о стремлении некоторых китайских историков принижать значение содействия СССР партии Сунь Ятсена².

Так, китайский историк Ли Цзикуа, в целом признавая значимость российского опыта для военного строительства Гоминьдана³, утверждает, что «советская финансовая и военная помощь была весьма ограниченной, к тому же отнюдь не бескорыстной», хотя «для Сунь Ятсена, не получавшего никакой другой поддержки, это и было большим, чем он мог ожидать»⁴. Тезис о «весьма ограниченном, к тому же отнюдь не бескорыстном» характере советских дотаций Гоминьдану Ли Цзикуа не считает нужным подкреплять какими-то расчетами — для него это факт, не требующий особых доказательств.

Данное мнение имеет большие шансы стать общепринятым среди китайских историков (и не только историков) в нынешнюю эпоху «подъема» страны, когда воспитание чувства национальной гордости превращается в приоритет государственной политики и требует главным образом тех исторических оценок, которые это чувство подпитывают. Однако российские историки вправе видеть такую научную позицию в ином свете — как удар по национальному достоинству и исторической памяти россиян.

Поэтому проблемы заинтересованности («корысти»?) Москвы и оценки помощи китайской революции с ее стороны (много или мало?) вновь грозят приобрести определенную политическую остроту. Отсюда необходимость выработки академических крите-

риев качества и количества такой помощи, по возможности свободных от идеологических предпочтений.

Прежде всего, как представляется, следует определиться с вопросом о «корысти» и «бескорыстии».

Во-первых, *во все времена военно-техническая и финансовая помощь предоставлялась прежде всего союзникам, а ее масштабы определялись важностью союза для стороны, оказывающей такое содействие, и возможностями этой стороны.* Последние у Советской России, только что пережившей разруху и голод, практически утратившей промышленную базу, были отнюдь не безграничны. Безоглядные траты на нужды политических союзников, которых Советский Союз поддерживал в 20-е годы не только в Китае, но и в других странах и регионах мира, были бы свидетельством безответственности и политической наивности государственного руководства. Как бы мы не расценивали политику советской власти с этических и иных позиций, в абсолютной безответственности и близорукости руководство ВКП (б) и СССР обвинить трудно. У страны тогда, как и сейчас, были собственные государственные интересы, которые ее руководство обязано было учитывать и защищать (другое дело, насколько адекватно эти интересы понимались). Вполне «бескорыстной» (кит. *канкай усыдэ* — букв. «великодушной и не преследующей частного интереса») может быть только гуманитарная помощь и никакая другая — и то относительно, учитывая потребность в определенном публичном имидже страны. В этом смысле оценка советского содействия как «небескорыстного» (*бу ши канкай усыдэ*) не может служить поводом ни для обид, ни для осуждения. Помощь союзникам, как и сам союз, всегда подчинены неким целям, и до сих пор никакие организованные политические силы в мире не вступали в союзные отношения исключительно по «великодушно-бескорыстному» зову души (хотя примеров личной жертвенности и героизма при оказании помощи союзникам история знает немало — не является исключением и история советско-китайских отношений).

Более того, необходимо оценивать расходы советской стороны, учитывая ее собственные политические и военные цели, а также степень их реализации посредством оказания союзнику соответствующей поддержки. Иначе говоря, речь должна идти в том числе об эффективности проводимой СССР политики с точки зрения субъективных целей руководства страны и степени их реализации.

Во-вторых, стоит принять во внимание то обстоятельство, что *непосредственные денежные выплаты, как и военные поставки, представляли собой лишь часть расходов, понесенных советской стороной при оказании помощи Гоминьдану.* Так, Р.А. Мировицкая при подсчетах объемов помощи, оказанной Москвой Гоминьдану и действовавшим на Севере Национальным армиям Фэн Юйсяна только в 1924—1925 гг., справедливо включила в общую сумму этих средств затраты на работу созданных в СССР военных курсов для китайцев (май-октябрь 1925 г.), а также обучение посланцев Китая в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и расходы на организацию Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. В результате объем реальных затрат на помощь китайским революционерам только за два года составил около 30 млн руб.⁵ — неизмеримо больше, чем суммы прямых дотаций китайским союзникам и стоимость военных поставок за тот же период.

В-третьих, *конкретные «выгоды», полученные стороной-реципиентом, — лишь один из критериев оценки внешнего вспомоществования, и он должен применяться с учетом того, какие задачи решала сторона, принимающая помощь, насколько последняя способствовала решению данных задач, и как эти успехи выглядят с позиций сегодняшнего дня.* Соответственно, в нашем случае главным критерием оценки советских дотаций и поставок должна быть их значимость для решения конкретных проблем национальной революции в Китае, возникавших на определенных этапах ее развития⁶.

Оценка советской помощи как «весьма ограниченной и отнюдь не бескорыстной», по сути, выражает следующую позицию: те задачи, которые ставили перед собой китайские революционеры, они вполне благополучно могли решить и без советской помощи — та лишь в какой-то мере содействовала решению.

Но такой вывод российские историки имеют основания оспаривать. Есть документальные доказательства тому, что те мероприятия, которые заложили организационно-политическую и военную базу под политическое возвышение Гоминьдана, — создание действенной партийной организации и пропагандистских органов, системы подготовки индоктринированных в партийном духе военных кадров и централизованно управляемой армии — вряд ли могли быть осуществлены без прямой организационной и материально-финансовой помощи со стороны Москвы.

О том, насколько она была заинтересована в осуществлении такого рода мероприятий, т.е. в какой степени они отвечали ее политическим интересам, говорит доклад главного политического советника ЦИК Гоминьдана М.М. Бородин, направленный в Центр в декабре 1923 г., когда сотрудничество Москвы и Гоминьдана только-только вступило в фазу практической реализации. Там Бородин сформулировал суть трех основных задач, которые необходимо было решить Сунь Ятсену:

«1) Продолжать начатую в Кантоне работу по реорганизации Гоминьдана во всекитайском масштабе. Для этого ему необходимо немедленно организовать прессу в наиболее крупных центрах Китая...

2) Удерживать за собой Гуандун не для того, чтобы, как это было до сих пор, добиваться военных успехов на тех или иных фронтах, мечтая все время об организации походов против Пекина, а для того, чтобы создать в нем базу для развития и направления национально-революционного движения во всем Китае. Для этого необходимо, прежде всего, распропагандировать рабочих, крестьян и мелкую буржуазию на почве конкретных правительственных мероприятий... создать в Гуандуне такой социальный базис, который бы оправдывал существование суневского правительства и давал бы ему возможность выступать с общенациональными заданиями.

3) Реорганизовать и целиком подчинить руководству Гоминьдана армию... Для этого Суню необходимо создать военные школы, обращая серьезное внимание на подготовку политработников»⁷.

Эти задачи полностью соответствовали тем установкам, которые были сформулированы советскими руководителями во время пребывания в Москве «делегации доктора Сунь Ятсена» во главе с Чан Кайши осенью 1923 г.⁸ Не будем подробно обосновывать тот факт, что такая расстановка приоритетов не во всем соответствовала замыслам даже самого Сунь Ятсена, не говоря уже о его окружении, и советской стороне пришлось приложить немало усилий, чтобы подвигнуть верхушку Гоминьдана на первоочередное выполнение данных задач — это отдельная большая тема⁹. В данной статье мы только постараемся показать, что главным образом именно на их решение адресно и дозированно направлялись первые финансовые дотации из Москвы, призванные также поддерживать в должном тоне интерес гоминьдановских политиков и военных к этим преобразованиям, что опубликованные в нашей стране документы не всегда могут служить достаточным основанием для оценки материально-финансовой помощи, реально оказанной Гоминьдану. В большинстве они свидетельствуют о *намерениях*, в том числе представленных в виде решений различных инстанций по поводу сумм и объемов поставок разным адресатам в Китае. Так, в обобщающей сводке, подготовленной Н.Л. Мамаевой, фигурируют сведения из документов и материалов двух основных категорий: решений руководящих органов о выделении финансовых, материальных средств и вооружения; отчетов об израсходованных средствах и объемах выполненных поставок. При этом отчетные данные содержатся всего лишь в трех документах: в протоколе заседания Китайской комиссии Политбюро ЦК КПК от 29 мая 1925 г., в неназванном документе из

фондов Российского государственного военного архива об отпуске кантонскому правительству «оружия и фуража» в октябре 1924 г., докладной записке председателя Киткомиссии И.С. Уншлихта и секретаря Б.Б. Бортновского на имя И.С. Сталина от 30 сентября 1925 г. о сумме поставок артиллерии Национальным армиям Фэн Юйсяна и Кантону в 1924/1925 отчетном году¹⁰. Все остальные документы представляют собой *решения и постановления о выделении* денег, имущества и вооружений. Однако такие решения могли на разных этапах пересматриваться и серьезно корректироваться¹¹, к тому же они, вероятно, не всегда могли выполняться в полной мере по объективным причинам. Так, Политбюро ЦК РКП (б) постановлением от 7 мая 1925 г. для «формирования новых надежных частей в Кантоне» поручало М.В. Фрунзе «направить для этой цели в Кантон группу инструкторов в количестве до 200 человек»¹². Однако даже в 1926—1927 гг. советников в армии Гоминьдана было в два раза меньше. Кроме того, опубликованные документы не во всех случаях позволяют разграничить помощь собственно кантонскому Гоминьдану и его союзникам на Севере — Национальным армиям Фэн Юйсяна, а также разделить то, что из номенклатурного списка уже было поставлено, а что только намечалось к отправке¹³.

Тем более возрастает ценность таких документальных свидетельств, которые позволяют судить о финансировании первоочередных, с точки зрения советской стороны, политических и военных проектов.

Одним из наиболее информативных документов такого рода является содержащийся в фондах РГАСПИ финансовый отчет советской советнической группы в Гуанчжоу за период с 13 ноября по 12 декабря 1924 г. Он свидетельствует, в частности, о том, что всеми финансовыми средствами, поступавшими из СССР, в тот период распоряжалось руководство советнической группы в соответствии с составленной заранее сметой, а советская финансовая помощь предоставлялась под конкретные проекты. За указанный период (с допуском — с 11 ноября) деньги советническая группа получала трижды. Так, 11 ноября «наличными на устройство квартиры и на обед генералитету» было получено 746 гонк. долл. Относительная незначительность суммы и указание «наличными» позволяет предположить, что она могла поступить непосредственно от главного политического советника и руководителя группы М.М. Бородина, имевшего некоторые «собственные» средства и, как будет показано ниже, в тот период позволявшего себе расходы, объем и предназначение которых не были известны другим членам группы. 13 ноября был получен некий «остаток аванса по отчету т. Айтыкина»¹⁴, 1 445 гонк. долл., и за то же число — «остаток сумм по текущему счету в Центральном китайском банке, по чеку т. Жилко» (ответственного за финансовое делопроизводство в южнокитайской советнической группе, к тому времени убитого с Бородиным на Севере). 15 ноября для группы поступил «перевод из Шанхая через Интернэйшеналь Банк», 69 280,75 гонк. долл. Таким образом, всего во второй декаде ноября группа получила 77 471,87 гонк. долл. (в примечании указано — «или мекс.», т.е. фиксируется тождественность курсов гонконгского и мексиканского долларов)¹⁵.

Из этой части отчета следует, что деньги советская советническая группа могла получать как наличными (через Бородина?), так и, более крупные суммы, банковскими переводами.

Тот же отчет показывает, что потребности самой группы в ноябре (планировавшиеся расходы на «наш аппарат») составляли 30 044 гонк. (или мекс.) долл. В эту сумму включены 19 650 долл. «по смете военного отдела» (т.е. военной советнической группы); 700 долл. «по содержанию Консульства» (советнической группе фактически подчинялся и содержался ею консульский аппарат); 2 794 долл. «по счету т. Бородина» — сюда входили 550 долл. на содержание автомобиля, полицейских «для эскорта и [охраны] квартир», 950 долл. на «разъездные и кит. т[оварищей] с ним», 1194 долл. «за фильмы» — видимо, за киноленты, не ясно какого содержания, а также 150 долл. «по разным неупло-

ченным счетам» (орфография оригинала). Задолженности по счету Бородина до 1 ноября составляли 5 410 долл., в том числе за продукты для экипажа военно-почтового судна «Воровский» (которое прибыло в Гуанчжоу 7 или, по другим данным, 8 октября с грузом оружия), лечение моряков, а также лечение сотрудников и «долг сотрудникам по отчетам до 1/XI»¹⁶.

Но большая часть предполагавшихся расходов маркировалась рубрикой «Части». Порядок сумм говорит о том, что они перечислялись посредством банковских переводов (именно таким образом советнической группой была получена большая часть денег в рассматриваемый период — с 13 ноября по 12 декабря).

Как и следовало ожидать, в разделе, фиксировавшем финансовые потребности поддерживавшихся группой проектов, на первом месте под рубрикой «Части» стоит: «Вампу /ген. Чан-Кай-ши/ Нацревармия и школа» (так в тексте документа). Здесь организованная и функционировавшая при участии военных советников военная школа Хуанпу, начальником которой был Чан Кайши, и создававшиеся при ней два учебных полка фигурируют как некое единство. Причем новые воинские формирования прямо именуются «Национально-революционной армией», тогда как официально это название (кит. Гоминь гэминцзюнь) вооруженные силы Гоминьдана получили только 1 июля 1925 г. Данный факт говорит о том, что школу Хуанпу и учебные полки уже в ноябре 1924 г. советники мыслили не иначе как основой армии китайской национальной революции. Траты по этой статье должны были составить до 15 ноября 27 500 кант. долл., с 15 по 30 ноября — 77 500 долл. В том же разделе отдельной строкой идут «курсы политработников», организованные тоже на базе Хуанпу, — 3 тыс. долл. Итого на первоочередные, с точки зрения Москвы, военные проекты Гоминьдана планировалось потратить 80 500 кант. долл.

Вторым пунктом — «бронеотряду и бронепоездам» — намечалось выделить 14 244 долл. («организационные: 6000.00 к.д., ежемесячно — 8 244.00 к.д.»). Под «бронеотрядом» имелась в виду воинская часть численностью около 400 чел., созданная по инициативе советнической группы и укомплектованная в значительной степени коммунистами. Она предназначалась для охраны железнодорожных коммуникаций и укомплектования десантных групп при бронепоездах (под руководством советников тогда шла работа по переоборудованию двух паровозов с платформами в импровизированные бронепоезда). Третьим пунктом — «на Хунан и Юнан Военшколы» (так в тексте документа, имеются в виду военные школы Хунаньской и Юньнаньской армий) — намечалось 8 тыс. долл.; четвертым — «на крестьянск. Отд. Гоминьдана (так в тексте. — *А.Ю.*) и школу при нем» — 10 тыс. долл. (примечательно, что советниками они рассматривались как структуры, имевшие военное назначение, поскольку школа при отделе готовила кадры для крестьянских союзов, развернувших в гуандунской деревне настоящую классовую войну). Итого расходы на вооруженные силы Гоминьдана должны были составить 112 744 кант. долл., или 90 195 гонк. долл. Важно отметить, что «стимулирующая» роль дотаций на военные нужды наиболее отчетливо проявилась в планах финансирования военных школ «союзных» армий: предполагалось, что советская помощь поможет сделать эти школы проводником влияния гоминьдановского руководства, советников и коммунистов¹⁷.

Всего по отчету потребности группы на ноябрь 1924 г. составили 120 239 гонк. долл. Три четверти этой суммы предназначались для поддержки военных проектов. Однако запланированные финансовые потребности группы были удовлетворены не полностью: в ноябре «недостача» составила 42 768, 25 гонк. долл. — более трети необходимого¹⁸.

Отдельной страницей отчета — «Израсходовано в действительности с 13 ноября по 12 декабря 1924 г.» — показаны реальные расходы группы за тот период.

Их сумма составила 80 868,27 гонк. долл. На содержание аппарата группы и консульства пошло 21 428 гонк. долл. (плюс 2 тыс. гонк. дол. на продукты для экипажа «Воровского»). Для поддержки «частей» было потрачено 71 800 кант. долл. (или 57 440 гонк.), в том числе на «Нацрешвармию и школы» — 47 тыс. кант. долл., плюс 3 тыс. на курсы политработников и 3 тыс. на Хунаньскую школу, перешедшую к тому времени в состав Хуанпу. Был допущен некоторый перерасход средств — 3 396 гонк. (или мексиканских) долл. — за счет кредита, отпущенного правительственным Центральным китайским банком, директор которого Сун Цзывэнь был посредником между советской группой и китайскими частями¹⁹. Согласно тому же документу, за ноябрь еще причиталось: Хуанпу — 30 500 кант. долл., «крестьянскому отделу и остальным не меньше 3000.00» кант. долл., т.е. всего 33 500 кант. долл., или 26 800 гонк. С учетом долгов по отчетам (1 500 гонк. дол.) и оставшейся на тот момент предыдущей задолженности (1 тыс. кант. долл.) всего за указанный период надо было выдать еще 32 696,52 гонк. долл.²⁰

Согласно общей финансовой заявке на декабрь, потребности группы составляли 124 135 гонк. долл. плюс те самые 32 696, 52 гонк. долл., недополученные за ноябрь. Итого до 1 января 1925 г. советническая группа рассчитывала получить 156 831,52 гонк. долл., на январь намечалась та же сумма. Расходы «на аппарат» должны были составить 21 340 гонк. долл. плюс 1000 гонк. долл. в качестве «аванса на телеграф», т.е. телеграфную связь. «На части» было затребовано 127 244 кант. долл., или 101 795 гонк. долл., в том числе на «Вампу», то бишь на «Нацрешвармию и школы», 100 тыс. кант. долл. плюс 3 тыс. на политкурсы, 8 244 кант. долл. на бронеотряд и бронепоезда, 10 тыс. на крестьянский отдел и его школу, и 6 тыс. на «выдачи др. частям: Киткомпартии (вполне военный в тех условиях проект. — А.Ю.), Военшколам и непредвиденные»²¹.

В примечаниях к финотчету и заявкам указывалось, что «частям все суммы исчисляются в кантонских долларах или мелком серебре» при среднем курсе пересчета на гонконгские или мексиканские доллары 1,25. Исчисление в «мелком серебре», учитывая секретность такого рода операций, видимо, должно было маскировать происхождение этих дотаций. Отмечалось также, что «Комитет Компартии сметы не представил, но ему выдается взаимообразно (так в тексте. — А.Ю.) до 1000.00 кант. долл.»²². Как видим, расходы группы непосредственно на нужды гуандунских коммунистов были невелики. Однако планировались траты на военные и военно-политические проекты, предусматривавшие преимущественное участие коммунистов, — на политкурсы, бронеотряд и крестьянский отдел ЦИК Гоминьдана. Военной школе Юньнаньской армии предполагалось выдать «по крайней мере 4000.00 кант. долл.», поскольку за ноябрь она получила лишь 2 тыс.²³ Под «непредвиденными» понимались «расходы по агентуре, никакой сметой непредвиденные (орфография оригинала. — А.Ю.), т.е. агентурные разведки в тылу противника, до 600 долл.», а также возможный перерасход вследствие колебания обменного курса, для компенсации которого предназначалась сумма 400 долл.²⁴ В записке к «Краткому финансовому отчету», подписанной, видимо, Германом или Терешатовым²⁵ (подпись можно интерпретировать и так, и так) 12 декабря 1924 г., указано, что с Бородиным, который сопровождал Сунь Ятсена в поездке на Север для участия в планировавшейся в Пекине Объединительной конференции, выехал сотрудник группы Жилко, отвечавший за финансовую отчетность и взявший с собой все соответствующие документы за период до 13 ноября. Кроме того, Бородин захватил в Пекин для утверждения сметы военного отдела (военной части советнической группы) на ноябрь 1924 — январь 1925 г., бронеотряда и утвержденную Галиным (Блюхером) смету Китайского информационного бюро — созданного и финансировавшегося группой подразделения, укомплектованного в основном китайцами и готовившего информационные материалы для прессы. В записке отмечалось: «Вампу, или Нацрешвармия ген. Чан-Кай-ши сметы не имеет, но имеется точно установленная т. Бородиным сумма 100.000.00 кант. дол.»²⁶. Бронеотряд, или «отряд особого назначения», как назы-

вал его Бородин, имел смету, утвержденную лично главным политическим советником. Что касается юньнаньской и хунаньской школ, то они «подали сметы, но на столь крупные суммы, что мы ими руководствоваться не могли, а оставили на них только указанную в отчете сумму, условленную т. Бородиным»²⁷. Крестьянский отдел и его школы на тот момент еще лишь разрабатывали сметы на полгода, которые должен был утвердить ЦИК Гоминьдана, а до того им были выданы «только суммы, крайне необходимые, а в расписании расходов показана сумма, необходимая по их заявлению»²⁸.

В записке объясняется, почему действительная сумма «долга», т.е. средств, которых советнической группе не хватило на расходы, составила не 42 768,25 «мексиканских долларов», как указывалось в первой части документа, а 32 696,52. Экономия была достигнута вследствие незаполненности ряда вакансий в штате «специального отдела» (советнической группы), разницы обменных курсов (перевод американских долларов в мексиканские осуществлялся по курсу не 1,90, а 1,80), сокращения выплат крестьянскому отделу ЦИК Гоминьдана, юньнаньской и хунаньской военным и т.д. И тем не менее, как следует, что не все расходовавшиеся средства фиксировались в сметах и отчетах. Там отмечалось, что в счет Бородина за ноябрь и декабрь не включены содержание его лично и его аппарата (шифровальщика, секретаря и машинистки) — «за неимением данных». То же касалось «его политических расходов, т.е. субсидии газетам, по партии Гоминьдан и другие, нам неизвестные расходы»²⁹.

Между тем «политические» расходы Бородина напрямую имели отношение к реализации одной из приоритетных, с точки зрения Москвы, задач Гоминьдана — развития его организационной и пропагандистской работы. В книге А.И. Картуновой о В.К. Блюхере (1970, 2-е изд. 1979), главном военном советнике южнокитайского правительства, приводятся записи из дневника управления Военного отдела (т.е. группы военных советников) в Кантоне, в которых упоминаются расходы М.М. Бородина на поддержку партийного аппарата Гоминьдана и гоминьдановской печати в 1924 г. По словам «правой руки» Сунь Ятсена, губернатора пров. Гуандун и комиссара военной школы Хуанпу Ляо Чжункая, Бородин «производил в свое время следующие денежные выплаты: 1) 5010 кант[онских] долл. на жалованье сотрудникам различных департаментов, ЦК [гоминьдана]; 2) 1530 — на расходы по печатанию летучек, брошюр и т.д.; 3) 2 тыс. гонконгских долл. — на субсидирование газеты в Гонконге; 4) 1 тыс. кантонских долл. — на субсидирование кантонской газеты; 5) 600 гонконгских долл. — на субсидирование шанхайского журнала «Новое строительство»; 6) 600 гонконгских долл. — на субсидирование пекинского ежемесячного журнала «Синь миньго»»³⁰.

В том же документе представлен отчет о состоявшейся 18 ноября 1924 г. встрече главного военного советника с комиссаром школы Хуанпу Ляо Чжункаем. Из лапидарного изложения беседы следует, что из 100 тыс. кант. долл., предназначавшихся к выплате школе Хуанпу за октябрь, были выплачены 84 тыс., а остававшиеся 16 тыс. «октябрьских» были на момент беседы переданы адресату вместе с 47 тыс. «ноябрьских»³¹. Последняя цифра и зафиксирована в приводившемся выше финансовом отчете советнической группы, а остальные выплаты на Хуанпу, о которых говорилось в дневнике военного отдела, видимо, были произведены до 13 ноября. Итого, если опираться на данные дневника, дополненные сведениями из финансового отчета, из 200 тыс. кант. долл., предназначенных к выплате на нужды Хуанпу за два месяца, китайская сторона к 18 ноября получила 147 тыс. При встрече 1 декабря Ляо Чжункай напомнил о том, «что осталась еще задолженность школе Вампу — 28 тыс. (таким образом, Хуанпу и учебные части получили уже 172 тыс. кант. долл. — А.Ю.). Т[ов]. Г[алин] ответил, что переводы денег сейчас задержаны. В ближайшие дни этот вопрос выяснится, а если же будет необходимо, он попросит одолжить у Суна»³² (директора Центрального китайского банка Сун Цзывэня).

К сожалению, пока не обнаружены документы, позволяющие судить о том, насколько полно была удовлетворена финансовая заявка советнической группы. Но можно уверенно утверждать, что по крайней мере в 1924 г. львиная доля финансовых хлопот группы приходилась не на помощь КПК и не на дотирование закупок оружия, как полагают некоторые китайские историки³³, а на прямое финансирование вооруженных формирований и учебных заведений. На поддержку партийной работы Гоминьдана, в том числе пропагандистской, Бородин предоставил около 10 тыс. кант. долл. — много больше, чем на нужды гуандунских коммунистов. А с учетом ноябрьских расходов на крестьянский отдел ЦИК Гоминьдана сумма дотаций на эти цели в ноябре 1924 г. достигла уже по крайней мере 20 тыс. кант. долл.

В организации финансовой и материальной помощи Гоминьдану не обходилось без недочетов. Деньги приходили нерегулярно, с опозданием и в меньших объемах, чем запрашивала советническая группа. Главный военный советник В.К. Блюхер, оставшийся в Гуанчжоу «на хозяйстве» после отъезда Бородина, считал помощь недостаточной и настаивал на ее увеличении. Формулируя в начале декабря 1924 г. задачу изгнания «безыдейных пришельцев», т.е. юньнаньских и гуансийских «союзных» милитаристов, из Гуандуна, он просил советского полпреда в Китае Л.М. Карахана «учесть, что медленное подбрасывание наших материальных средств нужных результатов не дает, ибо противники на наши усилия отвечают тоже увеличением своих сил»³⁴. О том, что полной уверенности в погашении «задолженности» (задержки оплат счетов плюс намеченных к выплате и, видимо, уже обещанных китайцам сумм) у руководства группы не было, говорит и характер финансового планирования. Согласно отдельной «Смете отдельного броневое отряда», из намеченных на организацию этого подразделения 6 667.60 кант. долл. Блюхер утвердил 6 тыс., из которых, согласно документу, в ноябре *можно было рассчитывать* только на 3—5 тыс., остальные ожидалось «из декабрьской получки». Между тем общие финансовые потребности бронеполка в ноябре, по предварительным прикидкам, должны были составить 15 811 кант. долл.³⁵ Однако при всех недостатках в организации денежной помощи Гоминьдану, как можно убедиться, эта помощь в конце 1924 г. составляла главную часть расходов советнической группы, причем носила строго адресный характер. *Советская сторона финансировала почти исключительно перспективные проекты, которые должны были подготовить базу для качественного роста политического авторитета и военной мощи Гоминьдана.* Что касается оценки дотаций и поставок Гоминьдану с точки зрения их влияния на осуществление политических целей Москвы в Китае, то следует признать: *практически до конца 1925 г. прямая советская помощь, при всем ее дозированном характере, была достаточно эффективным рычагом воздействия на политику Гоминьдана в области партийного и военного строительства.*

В конце 1925 — начале 1926 г. ситуация в этом плане стала меняться. Имеющиеся документы не позволяют утверждать, что прямые денежные дотации от СССР продолжали поступать, хотя поставки вооружений и военного имущества постоянно возрастали. Однако новые руководители военной советнической группы — заменивший В.К. Блюхера Н.В. Куйбышев (Кисанька) и его заместители — не склонны были учитывать прежние приоритеты советской военной политики в Китае. Задачу централизации армии Гоминьдана они трактовали как укрепление формально высших руководящих органов — Главного штаба и Главного политического управления, непосредственно возглавлявшихся советниками, пытались игнорировать роль соединений Чан Кайши, созданных на базе учебных полков Хуанпу, как ядра Национально-революционной армии, отказались от их приоритетной поддержки³⁶. Это обстоятельство не в последнюю очередь стало поводом к «событиям 20 марта» 1926 г. — выступлению сторонников Чан Кайши, которое привело к ослаблению влияния коммунистов и советников в войсках Гоминьдана, в самой партии и правительстве.

Снижению зависимости от советской помощи, вероятно, способствовал и быстрый рост налоговых поступлений, связанный с военными успехами армии Гоминьдана и территориальными приобретениями конца 1925 г. – начала 1926 г. Соответственно, увеличивались и финансовые возможности гоминьдановской власти. Благодаря этому с октября 1925 г. по сентябрь 1926 г. правительство смогло потратить только на военные нужды 61 млн. 285 тыс. кант. долл.³⁷ Зависимость от СССР продолжала уменьшаться и в период Северного похода 1926–1927 гг., когда прибывавшее в Гуандун оружие и военное имущество, как утверждают некоторые китайские историки, просто не всегда доходило до фронта³⁸. В конце концов фактор помощи из России стал значить для гоминьдановского руководства меньше, чем политическая угроза со стороны поддерживавшихся Москвой китайских коммунистов. По всей видимости, утрата возможности влиять на политическое поведение лидеров Гоминьдана посредством финансовой и материальной поддержки стала одной из причин неудачи советской политики в Китае в 1927 г.

1. *Юркевич А.* Финансовая поддержка Москвой «партийной армии» Гоминьдана: проблема интерпретации источников // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2.
2. При этом историки КНР и Тайваня не всегда бывают неправы в своем недоверии к завышенным цифрам советской помощи, фигурирующим в исторической литературе. Опираясь на документы, они показывают, в частности, что доля советской помощи в военных расходах южно-китайского правительства и относительно его потребностей в вооружениях была не такой уж значительной. — См. об этом: *Юркевич А.* Финансовая помощь СССР китайской революции: проблема интерпретации источников // Ежегодник 2009. Восток: грани постижения. Сб. ст. М., 2009. С. 99; *Сунь Цзыхэ.* Цун Хуанпу цзяньцзюнь дао Бэйфа цянъси гэминцзюнь чжи цзюньцзе взънги [Проблемы вооружения революционной армии в период от создания армии в Хуанпу до кануна Северного похода] // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо [Национальная революция и военная школа Хуанпу]. Чанчунь, 2004. С. 338–376; *Хуан Бинфэн.* Хуанпу цзюньсяо чжи цзинфэй взънги [Проблема текущих расходов военной школы Хуанпу] // Там же. С. 43–62. На тот факт, что в литературе зачастую фигурируют завышенные цифры советской помощи Гоминьдану, указывает также Ли Цзикуа. — *Ли Цзикуа.* Хуанпу цзюньсяо чуанбань юаньци [Причины создания военной школы Хуанпу] // Там же. С. 120–121. К сожалению, из-за невнимательности автора настоящей статьи в двух предыдущих его публикациях технические погрешности в отреферированном материале превратили Ли Цзикуа из критика завышенных оценок советской помощи в их защитника. — См.: *Юркевич А.Г.* Финансовая помощь СССР китайской революции: проблема интерпретации источников. С. 119; *Он же.* Финансовая поддержка Москвой «партийной армии» Гоминьдана: проблема интерпретации источников. С. 111–112. Автор хотел бы принести китайскому историку искренние извинения за свою ошибку.
3. *Ли Цзикуа.* Указ. соч. С. 120–121.
4. Там же. С. 121.
5. *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). М., 1991. С. 54–55, 61. Сумма в 30 млн рубл. по курсу тех лет примерно в пять раз превышает совокупный доход южно-китайского гоминьдановского правительства за 1924 г. В том году общие поступления в казну правительства составили, по разным данным, от 7 986 тыс. юаней (кантонских долл.) до 9,3 млн. — *Хуан Бинфэн.* Указ. соч. С. 59; *Мельникова Н.* Некоторые аспекты финансово-налоговой политики гоминьдановского правительства в Кантоне (1923–1925 гг.) // Китай в 20-е годы: экономика и политика // Информационный бюллетень / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М., 1983. № 56. С. 162. Видимо, более заслуживают доверия цифра 7 986 тыс., приведенная Хуан Бинфэном, — в приумножении суммы правительственного дохода он не заинтересован, поскольку доказывает способность Гоминьдана самостоятельно обеспечить создание и содержание школы Хуанпу. В своих расчетах автор настоящей статьи исходит из того, что кантонский доллар соотносился с гонконгским по курсу 1:1,25 (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 123, 130), а советский золотой рубль с мексиканским долларом, соответствующим гонконгскому, — как 1,000:1,007, т.е. курсы этих валют были практически идентичны (Там же; См. также: ВКП (б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы. Т. 1. 1920–1925. М., 1994. С. 210). Только в 1925 г. благодаря военным и политическим успехам южно-китайского правительства его дохо-

- ды стали составлять примерно 1 500 тыс. кант. долл. в месяц, а в конце года и более 3 млн. — *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 60.
6. Именно это обстоятельство имеет в виду Н.Л. Мамаева, отметившая, что значение материально-финансовой поддержки гоминьдановского правительства «определялось не только фактическими суммами, которые, возможно, и не являлись значительными относительно потребностей национально-революционного движения. Эффективность материально-финансовой помощи, сопровождавшейся усилиями Коминтерна по формированию мирового общественного мнения в поддержку национальной революции в Китае, измерялась прежде всего ее своевременностью». — *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999. С. 281.
 7. ВКП (б), Коминтерн... Т. 1. С. 339–340.
 8. См.: там же. С. 279–281.
 9. Отметим лишь ряд фактов. Осенью 1923 г. Москва, дабы заставить руководство Гоминьдана сосредоточиться на организационно-политической активности, отказала ему в поддержке военного плана «северо-западного маршрута» китайской революции, который ранее склонна была одобрить (см.: Там же. Т. 1. С. 206, 261, 282, 306–308, 312–313). Политика правительства Сунь Ятсена до приезда русских советников и даже в 1924 г. вела к усилению враждебности широких масс населения Гуандуна по отношению к властям (см.: Там же. С. 332; В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введения и примеч. д.и.н. А.И. Картунова. М., 2003. С. 61–63). Реорганизация Гоминьдана в январе 1924 г. была проведена по советской модели «демократического централизма» — своей реорганизационной платформы у Гоминьдана не было. Осенью 1924 г. Сунь Ятсен, вопреки увещаниям советников, все-таки попытался бросить гуандунскую базу и предпринял вновь провалившуюся «Северную экспедицию».
 10. См.: ВКП (б), Коминтерн... Т. 1. С. 565, 628; Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 2. Д. 13. Л. 289; *Мамаева Н.Л.* Указ. соч. С. 54–55, 61.
 11. Так, в мае-июне 1925 г. неоднократно корректировались суммы расходов на «военно-политическую работу в Китае», а также на содержание военной школы Хуанпу в Гуанчжоу и формирование новых дивизий Чан Кайши. В результате корректировок, в частности, 100 тыс. руб., предназначавшиеся для Хуанпу, были перенацелены «на организацию смешанного транспортно-общества для обслуживания линии Урга-Калган», т.е. для организации поставок Национальным армиям на Севере. — См.: ВКП (б), Коминтерн... Т. 1. С. 554, 565, 570–571, 574.
 12. Там же. Т. 1. С. 554.
 13. См.: Там же. С. 630–631.
 14. Советник Айтыкин (Браиловский) прибыл в Гуанчжоу в августе 1924 г. Работал также в военном атташате в Пекине (с октября 1924 г.). — См.: *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае: 20-е годы XX века. М., 2008. С. 369.
 15. РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 123.
 16. Там же.
 17. В докладе военному атташе полпредства осенью 1924 г. начальник штаба военного отдела советнической группы П. Нилов (Сахновский) писал: «Через военные школы, руководимые из одного учебного центра — инспекции военно-учебных заведений при условии, что в каждой школе будут наши инструктора, мы получаем возможность влиять на подготовку всей армии. Новые офицеры явятся в армии с несколько иными взглядами, так как в школе они получили и получают (так в тексте. — *А.Ю.*) соответствующую политическую подготовку». — РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 19. В 1924 г. советские советники, помимо военной школы Хуанпу, работали также в школах Юньнаньской, Гуансийской, Кантонской и Хунаньской армий, в жандармской школе У Течэна.
 18. Там же. Л. 123–124.
 19. Там же. Л. 128.
 20. Там же. Л. 125.
 21. Там же. Л. 130.
 22. Там же.
 23. Там же.
 24. Там же.
 25. *Герман Иоган (Яган) Гансович* (1894–1938). В книге А.И. Черепанова (Записки военного советника в Китае. 2-е изд. М., 1976. С. 21 и др.) именуется Яковом. Участник Первой мировой

(офицер) и Гражданской войн. Выпускник Военной академии РККА (основной курс и Восточный факультет). Участвовал в организации школы Хуанпу и в военных операциях в Гуандуне. С 1926 г. в Разведуправлении штаба РККА, затем в системе ГРУ. В 1936–1938 гг. военный советник в республиканской Испании. Полковник. Репрессирован, реабилитирован в 1959 г. — *Дурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ — дела и люди. СПб.; М., 2002. С. 371.

Терешатов Николай (И. — Иванович?) (1892-?). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил Военную академию РККА. В Китай прибыл в составе «первой пятерки» военных советников. Принимал участие в создании военной школы Хуанпу и в операциях в Гуандуне. Большинство упоминаний о его работе в Гуанчжоу содержится в «Записках...» А.И. Черепанова.

26. РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 127.

27. Там же.

28. Там же.

29. Там же. Л. 128.

30. *Картунова А.И.* Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Документированный очерк. Документы. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 85.

31. Там же. С. 77.

32. Там же. С. 86.

33. См. об этом: *Юркевич А.Г.* Финансовая поддержка Москвой «партийной армии» Гоминьдана: проблема интерпретации источников. С. 105.

34. В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые документы... С. 45.

35. РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 50–51.

36. См.: *Черепанов А.И.* Записки... С. 325, 384.

37. См.: *Хуан Бинфэн.* Указ. соч. С. 60; *Сунь Цзыхэ.* Указ. соч. С. 343–345.

38. *Сунь Цзыхэ.* Указ. соч. С. 374.